

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: юридическое содействие, цифровая среда, трансформация права, цифровизация, цифровая компетенция, искусственный интеллект, Legal Tech, цифровые платформы.

Трансформация общественных отношений под влиянием цифровых технологий опережает развитие правовых механизмов их сопровождения. Институт юридического содействия, традиционно ориентированный на физическое присутствие, документооборот на бумажных носителях и личную коммуникацию, сталкивается с вызовами, которые не могут быть решены в рамках классической парадигмы. В условиях цифровизации государственно-правовой сферы именно государство выступает главным субъектом, инициирующим и обеспечивающим трансформацию юридического содействия, создавая цифровые платформы, сервисы и правовые механизмы, направленные на повышение доступности и качества правовой помощи. Отсутствие теоретической модели, учитывающей возможности цифровых технологий, приводит к сложностям в части, касающейся распределения ответственности, а также к снижению эффективности осуществления содействия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления положительной динамики государственно-правовых явлений в современном мире, где государство не только адаптируется к цифровой среде, но и активно формирует ее для реализации публичных функций. Стремительное увеличение числа правоотношений, возникающих исключительно в цифровой среде, и отставание их нормативного регулирования актуализируют необходимость теоретического переосмысления института юридического содействия как в доктринальном, так и в правоприменительном аспекте.

Цель исследования – выявить характер и содержание трансформации признаков юридического содействия в цифровой среде.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование, диалектический метод) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Материалами выступили нормативно-правовые акты Российской Федерации, доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, зарубежная судебная практика, доктринальные труды отечественных и зарубежных ученых.

Результаты. Выявлено пять характеристик цифровой среды, значимых для юридического содействия (способность к преодолению географических границ, виртуализация, автоматизация и появление посредников, трансформация субъекта, делегирование задач). Обосновано, что под влиянием этих характеристик цифровая среда не порождает новых субъектов содействия, однако усложняет их структуру. Юридическая ответственность за конечный результат должна определяться исходя из реального вклада и степени контроля над функционированием системы каждого из субъектов (государство, разработчик, владелец платформы), что требует перераспределения ответственности между ними соразмерно степени контроля.

Выводы. В цифровой среде существенно трансформируется юридическое содействие: деятельность становится гибридной, а специальная компетенция юриста дополняется цифровой. При этом цифровая среда не порождает новых субъектов права, за алгоритмами всегда стоят государство, разработчик и владелец платформы.

Введение. В докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека верно указано, что

«Внедрение современных цифровых технологий формирует новую среду и новые правовые реалии для человека, общества и государства, а также значительно видоизменяет уже существующие» [12]. Особое значение этот процесс приобретает в государственно-правовой сфере, где цифровая трансформация становится приоритетным направлением. Государство, выступая одним из главных источников цифровизации, не только модернизирует собственные механизмы правового регулирования, но и создает инфраструктуру для оказания юридического содействия в новых форматах. Актуальность теоретического осмысления юридического содействия в цифровой среде также подтверждается и новейшими тенденциями законодательного регулирования. Так, принятый в 2025 г. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступит в силу с 1 октября 2026 г.)¹ в качестве одной из целей провозглашает «создание безопасной цифровой среды на цифровых платформах» и «обеспечение баланса экономических интересов..., а также обеспечение гарантий соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц». Достижение этих целей не может быть обеспечено исключительно нормативными и техническими средствами, а нуждается также в функционировании института юридического содействия для пользователей и партнеров цифровых платформ, поскольку любая правовая норма предполагает не только ее формальное существование, но и реальную способность субъектов права ее реализовать. В условиях цифровой среды, где правоотношения опосредованы алгоритмами и цифровыми платформами, пользователь часто лишен возможности самостоятельно квалифицировать юридические факты, выявлять пробелы и коллизии. Следовательно, юридическое содействие выступает необходимым условием реализации субъективных прав, что обуславливает его рассмотрение в условиях цифровой среды. Научная проблема заключается в отсутствии теоретической модели юридического содействия, учитывающей трансформацию его системообразующих признаков под влиянием цифровой среды. В настоящем исследовании «цифровая среда», «цифровое пространство», «виртуальное пространство» и «цифровая сфера» рассматриваются как синонимичные. Базовым термином, используемым в работе, является «цифровая среда». Кроме того, для целей настоящей статьи под юридическим содействием понимается: правовая деятельность, осуществляемая в форме правового взаимодействия, в рамках которой субъект, обладающий специальной юридической компетенцией, оказывает получателю (индивидуально-определенному или неограниченному кругу лиц) вспомогательную помощь в решении конкретной правовой задачи или достижении правомерной цели, имеющей юридическое значение.

Цель исследования – выявить характер и содержание трансформации признаков юридического содействия в цифровой среде.

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Фед. закон от 31.07.2025 г. № 289-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

Материалы и методы. В ходе исследования использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование, диалектический метод) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Эмпирическую базу составили: нормативно-правовые акты Российской Федерации, доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (2025 г.), зарубежная судебная практика 2025–2026 гг. (объединенное дело *Ayinde v London Borough of Haringey* и *Al-Haroun v Qatar National Bank*, дело *Feldman*), а также доктринальные труды отечественных и зарубежных ученых (В.А. Белов, Н.А. Жирнова, Н.Н. Ковалева, А.В. Малько, Н.В. Пальянова, Е.В. Перепелица, О.Л. Солдаткина и др.).

Результаты исследования. Поскольку цифровая среда представляет собой новую реальность, ее воздействие на правоотношения часто имеет не инструментальный, а сущностный характер. А.В. Малько и О.Л. Солдаткина отмечают: «...информационно-коммуникационные технологии неизбежно меняют природу права, а также работу юриста и всей юридической системы...» [8. С. 8]. Развивая данный тезис, важно подчеркнуть, что ключевым субъектом, направляющим эту трансформацию в государственно-правовой сфере, выступает государство. Именно государство создает правовые и технологические условия для юридического содействия, обеспечивает его качество и доступность. Обратимся к анализу конкретных факторов, опосредующих эту трансформацию применительно к институту юридического содействия.

1. *В цифровой среде возможно преодоление географических границ.* Передача информации происходит независимо от местоположения субъектов. Так, государственные границы перестают быть препятствием для обмена данными. Вместе с тем было бы ошибочно утверждать, что цифровая среда полностью отказывается от границ. Она функционирует в рамках технологических (различные протоколы, блокировки) и юридических (национальное законодательство, режимы контроля информации) границ. С одной стороны, цифровая среда безгранична, с другой – она сдерживается внутренними законами страны и геополитическими ограничениями (например, санкциями). Для государства эта двойственность является вызовом, но одновременно и стимулом к развитию национальных цифровых платформ (например, Единый портал государственных услуг, ГАС «Правосудие»). Причина этой двойственности в том, что правовое регулирование остается привязанным к конкретной территории в рамках государства. Виртуальное пространство, как отмечает Е.В. Перепелица, не имеет материальной осязаемости и основано на технологиях, изначально предполагавших преодоление любых барьеров, в том числе границ, при распространении и хранении информации [9. С. 151]. Для юридического содействия это означает, что получатель содействия и объект (информация, имущество, права) могут находиться в разных юрисдикциях, в то время как субъект содействия обязан действовать строго в рамках национального законодательства.

2. *Виртуализация правовых действий и их последствий.* Традиционно правовое действие требовало физической осязаемости. В цифровой среде все меняется. Применительно к юридическому содействию виртуализация проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, происходит виртуализация самого акта коммуникации между субъектом и получателем содействия. Консультация может быть проведена в социальной сети или по видеосвязи, документы направлены по электронной почте, а согласование позиции осуществлено в общем чате. При этом весь массив доказательств факта оказания содействия существует исключительно в цифровой форме и может быть утрачен при сбое оборудования или удален одной из сторон. Возникает ситуация, когда юридическое содействие осуществлено, но следов этого в традиционном понимании не существует.

Во-вторых, виртуализации подвергается объект содействия. Все чаще предметом правовой работы выступают нематериальные, цифровые феномены: доменные имена [7], аккаунты в социальных сетях [3], внутриигровое имущество [11] и иное цифровое имущество [10]. Субъект содействия вынужден оперировать категориями, чья юридическая природа еще до конца не осмыслена доктриной.

В-третьих, и это самое важное для теории права, виртуализируются юридические последствия. Цифровая подпись, поставленная в личном кабинете на портале государственных услуг, признается государством равнозначной собственноручной. Договор, заключенный путем обмена электронными письмами, порождает обязательства, обеспеченные возможностью принудительного исполнения. В.А. Белов точно подмечает: «... большинство современных пользователей сети Интернет вряд ли задумываются над тем, что, каждый раз нажимая виртуальные кнопки “ОК”, они принимают условия какого-нибудь договора, настолько распространенным, само собою разумеющимся, простым и естественным стало это действие» [2. С. 296].

3. *Автоматизация и появление цифровых посредников.* Данная характеристика цифровой среды непосредственно связана с явлением правовой жизни, получившим свое распространение в 2000-х годах и активно развивающимся сегодня «LegalTech», под которым в юридической доктрине и практике понимают «специализированные информационно-технические средства: платформы, программы, продукты и инструменты, которые направлены на оптимизацию и упрощение процессов профессиональной юридической деятельности» [5. С. 116]. Сегодняшняя реальность такова, что осуществление юридического содействия затруднено без обращения к специализированным средствам. Это могут быть как достаточно распространенные справочно-правовые системы («Консультант-Плюс», «Гарант»), так и более автоматизированные инструменты.

Юридическое содействие в цифровой среде все чаще осуществляется не напрямую, а через посредничество специализированных платформ и сервисов. Речь идет о государственных порталах (Портал «Госуслуги», ГАС «Правосудие»), частных агрегаторах юридических услуг, CRM-системах юридических фирм (например, Битрикс24) и даже о чат-ботах, осуществляющих первичную консультацию. В настоящей работе такие инструменты обозначаются термином «алгоритмические системы», под которыми понимаются программно-аппаратные комплексы, участвующие в юридическом содействии с частичным участием человека или без такового.

4. *Трансформация субъекта в цифровой среде.* Идентификация и аутентификация личности все чаще осуществляется через цифровые профили (например, ЕСИА в Российской Федерации¹), которые становятся «цифровыми двойниками» человека в правовом пространстве. Для юридического содействия это порождает сложную проблему: с одной стороны, взаимодействие с таким «цифровым двойником» ускоряет процессы (получение выписок, подача заявлений), с другой – возникает риск отчуждения субъекта от собственных действий.

5. *Делегирование задач и изменение структуры профессиональной деятельности.* Данная характеристика цифровой среды имеет наиболее прикладное значение для профессионального юридического сообщества, поскольку непосредственно отвечает на вопрос: в каком объеме использовать технологии и чем заменять традиционные операции. Речь идет о передаче алгоритмическим посредникам тех функций, которые ранее требовали исключительно человеческого труда, но носили повторяющийся, формализуемый характер.

Представленный выше анализ характеристик цифровой среды позволяет сформулировать принципиальный для настоящего исследования вывод: воздействие цифровой среды на институт юридического содействия не исчерпывается появлением нового инструментария или оптимизацией процедур. Электронный документооборот, видеоконференцсвязь, справочно-правовые системы и технологии искусственного интеллекта (ИИ) – это значимые инструменты, однако сводить трансформацию лишь к их появлению означало бы оставаться в плоскости юридической техники права, упуская из виду изменения в основаниях.

Трансформация правовой реальности под влиянием цифровой среды не может оставаться абстрактной констатацией. Для развития теоретической модели юридического содействия принципиально важно определить, каким образом черты цифровой среды проецируются на конкретные, структурообразующие элементы исследуемого института. Если в цифровой среде меняются способы существования субъектов, объектов и юридических фактов, то неизбежной становится и трансформация тех признаков, которые формируют юридическое содействие как явление правовой жизни.

Рассмотрим, как в цифровой среде трансформируется признак «юридическое содействие есть правовая деятельность». Так, правовая деятельность представляет собой разновидность социальной деятельности, опосредованную правом и осуществляемую в правовом поле. Цифровая среда, сохраняя родовую принадлежность юридического содействия к деятельности, существенно изменяет ее конкретные проявления.

Если в классическом понимании правовая деятельность представляла собой исключительно человеческую активность (осознанную, целенаправленную), то в цифровой среде значительная часть операций делегируется алгоритмам.

¹ Единая система идентификации и аутентификации – информационная система в Российской Федерации, обеспечивающая санкционированный доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных системах (Адрес сайта ЕСИА: esia.gosuslugi.ru).

Субъект содействия все чаще выполняет функцию «оператора» правового решения, тогда как рутинные действия (проверка контрагента, расчет неустойки, составление типового договора, мониторинг изменений законодательства) осуществляются автоматизированными системами. Деятельность приобретает черты человеко-машинного комплекса, где граница между действием субъекта и действием программы становится условной. Возникает феномен «гибридной деятельности», где правовой результат достигается в объединении человека и алгоритма. Такой исход событий поднимает ряд вопросов в части, касающейся распределения ответственности. На сегодняшний день проблема ответственности за вред, причиненный при использовании информационных технологий, является одной из наиболее дискуссионных в правовой доктрине и остро востребованной практикой. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет сформулировать ключевой принцип: использование алгоритмов не отменяет и не снижает профессиональной ответственности субъекта содействия, а в определенных аспектах даже усиливает требования к его компетенции и осмотрительности. Это обусловлено следующими факторами.

Во-первых, наличие в алгоритмах различных уязвимостей, например, присутствие в технологиях ИИ так называемых галлюцинаций, под которыми понимаются ситуации, при которых алгоритм придумывает несуществующие данные и искажает истинные. Дискуссия о распределении ответственности между человеком и алгоритмом долгое время велась на абстрактно-теоретическом уровне, оперируя понятиями «черного ящика» и непредсказуемости. Однако сегодня в мире уже имеются исследования, активно направленные на устранение существующих уязвимостей и поиск их причин. Одним из примеров может являться работа группы китайских ученых из Университета Цинхуа, которая посвящена анализу «нейронов, связанных с галлюцинациями» (Hallucination-Associated Neurons) [15]. Выводы, полученные исследователями, вносят принципиальные уточнения в проблему распределения ответственности при использовании больших языковых моделей (LLM)¹ в юридическом содействии, эмпирически демонстрируя, что галлюцинации не являются случайными сбоями, а детерминированы активностью множества «нейронов, связанных с галлюцинациями», которые возникают на этапе предобучения модели и кодируют фундаментальную поведенческую черту «чрезмерного соблюдения требований» (over-compliance), т.е. тенденцию удовлетворять запрос пользователя любой ценой (в ущерб истине, безопасности или этике). Это открытие опровергает тезис о непредсказуемости дефектов ИИ и перекладывает на разработчика обязанность по обнаружению и мониторингу таких нейронных цепей, а на юриста-пользователя – обязанность критически оценивать выходные данные, что формирует стандарт должной заботливости и осмотрительности.

¹ Большая языковая модель – это программа, способная статистически предсказывать и генерировать текст, что делает ее полезным инструментом, однако она может создавать вымышленные, но внешне достоверные сведения («галлюцинировать»), что требует критической проверки ее результатов юристом. Например, ChatGPT, DeepSeek, Copilot, Gemini и Claude.

Во-вторых, судебная практика показывает, что использование генеративного ИИ не только не освобождает юриста от ответственности, но и возлагает на него дополнительные обязанности по верификации и контролю. Примером может служить объединенное дело *Ayinde v London Borough of Haringey* и *Al-Naroun v Qatar National Bank* (2025) [13]. Высокий суд Англии и Уэльса в данном деле указал, что использование генеративного ИИ не снимает с юриста профессиональной ответственности, а напротив, возлагает на него три обязанности: 1) обязательную верификацию любого результата работы алгоритма по авторитетному первоисточнику; 2) неделегируемую ответственность за содержание документа независимо от способа его подготовки; 3) наличие достаточной технологической компетенции для понимания ограничений моделей. Тем самым суд указал на то, что юрист обязан не просто проверять результат, но и предвидеть саму возможность генерации ложных сведений в силу особенностей ИИ.

В-третьих, зарубежная практика демонстрирует готовность судов применять санкции за некорректное делегирование алгоритмам профессиональных задач юристов. Подтверждением этого может являться дело *Feldman* (2026), в котором суд прекратил производство из-за использования адвокатом ИИ для подготовки цитат, оказавшихся вымышленными [14].

Таким образом, признак «юридическое содействие есть правовая деятельность» трансформируется из исключительно человеческой активности в гибридную, где алгоритмы выполняют часть операций, а субъект выступает «оператором», несущим ответственность. Использование алгоритмов не освобождает субъекта содействия от обязанностей, а усиливает требования к его компетенции и осмотристельности.

Сущностной характеристикой юридического содействия также является его реализация в форме правового взаимодействия, которое представляет собой структурированный коммуникативный процесс, включающий несколько этапов. Цифровая среда видоизменяет способы, каналы и саму структуру этого взаимодействия.

Во-первых, происходит виртуализация коммуникации. Первоначальный этап все чаще реализуется не через личное обращение, а через цифровые инструменты: формы обратной связи на сайтах, чат-боты, мессенджеры или электронную почту.

Во-вторых, взаимодействие становится опосредованным цифровыми платформами и посредниками. Коммуникация между субъектом и получателем все чаще осуществляется не напрямую, а через различные платформы. Это привносит в отношения третьего участника: алгоритмические системы, которые не только передают информацию, но и могут изменять ее, ограничивать объем передаваемых данных. Возникает ситуация, когда стороны вынуждены подстраиваться под правила конкретной системы.

В-третьих, трансформируется субъектный состав взаимодействия. Помимо получателя и субъекта (в лице физических и юридических лиц), в коммуникацию на ранних этапах могут включаться иные агенты: чат-боты и виртуальные ассистенты. Получатель может первоначально взаимодействовать с алгоритмом, который собирает информацию, дает первичную консультацию,

формирует проект документа. Субъект содействия может подключаться к взаимодействию лишь на поздних стадиях, что создает риск утраты важных нюансов, неверной интерпретации юридических фактов.

Таким образом, признак «осуществление в форме правового взаимодействия» в цифровой среде обретает новые черты: виртуализация коммуникации, опосредованность цифровыми платформами, появление новых квазисубъектов содействия.

Проанализируем трансформацию следующего признака. Как было установлено ранее, юридическое содействие осуществляется правомерными средствами и в правомерных целях. Правомерность проявляется в двух основных аспектах: в материальном (цель получателя должна не выходить за рамки, разрешенные нормами права) и процессуальном (избираемые субъектом содействия средства не должны противоречить законодательству). Данный признак также претерпевает изменения в результате воздействия цифровой среды, которая, принося новые цифровые инструменты, усложняет оценку правомерности, однако сохраняет ключевое значение признака – полезность для общества.

Так, под воздействием цифровой среды происходит усложнение оценки правомерности используемых средств субъектом содействия. Если в классической парадигме субъект содействия использовал правила и приемы юридической техники, то в цифровой среде добавляются алгоритмы, программные обеспечения и цифровые платформы. В связи с этим возникает вопрос о правомерности использования конкретного инструмента: 1) не нарушает ли его использование нормы авторского права, об информации, о персональных данных, условия пользовательских соглашений; 2) не противоречит ли применение этих инструментов этическим нормам профессии?

Указанная особенность оценки правомерности использования цифровых инструментов обуславливает постановку вопроса о необходимости получения согласия у получателя содействия или информирования об этом. Применение алгоритмов, в особенности производящих обработку персональных данных, на наш взгляд, требует от субъекта получения согласия не только на обработку персональных данных получателя, но и согласие на использование этих цифровых инструментов, поскольку это порождает риски, затрагивающие конституционные права граждан. Например, передача персональных данных в бесплатные нейросети (DeerSeek, ChatGPT) может повлечь их использование для обучения моделей, а также раскрытие информации, что создает угрозу нарушения частной жизни. Вместе с тем существуют ситуации, когда такое согласие не нужно, например, если данные обезличены. Все это подчеркивает необходимость разработки новых этических стандартов для субъекта, осуществляющего юридическое содействие с применением современных инструментов цифровой среды. Такой же позиции придерживаются Н.Н. Ковалева и Н.А. Жирнова: «этические проблемы применения искусственного интеллекта также очень важны и, видимо, их придется решать в том числе на законодательном уровне» [6. С. 110].

Далее рассмотрим правомерность использования цифровых инструментов с точки зрения цели. Так, в цифровой среде появляются новые виды и объекты

общественных отношений (доменные имена, аккаунты в социальных сетях, внутриигровое имущество, криптовалюта и др.). Это создает ситуации, когда цель получателя содействия оказывается неочевидной в контексте ее правомерности. Субъект содействия в таких ситуациях самостоятельно оценивает правомерность, опираясь на общие принципы права. Например, правомерна ли цель – получить по наследству аккаунт в социальных сетях или внутриигровое имущество?

Таким образом, правомерность цели в цифровой среде усложняется необходимостью учета новых объектов, отсутствием четких норм и потенциальных коллизий юрисдикций, что возлагает на субъекта содействия дополнительную обязанность по тщательной правовой оценке намерений получателя.

Вспомогательная природа в цифровой среде также претерпевает изменения. Она может проявляться не только через деятельность субъекта и получателя, но также через деятельность алгоритмических систем, которые субъект использует для оказания содействия. Однако важно отметить, что действия алгоритмов создают риски использования содействия в негативных целях (распространение фейковых новостей, формирование манипулятивных нарративов). Вместе с тем субъект содействия остается ключевой фигурой, которая несет ответственность за результат, несмотря на то, что ряд операций выполняет цифровой посредник. Это подчеркивает вспомогательность юридического содействия, усложняя структуру его реализации.

Цифровая трансформация в наибольшей степени затрагивает такой признак юридического содействия, как «осуществление лицом, обладающим специальными юридическими компетенциями». Если в традиционном юридическом содействии специальные компетенции исчерпывались знаниями, навыками и умениями в области юриспруденции, то в условиях цифровой среды добавляется специальная цифровая компетенция. Субъект содействия должен владеть справочно-правовыми системами, уметь работать с электронными сервисами судов и госорганов, понимать принципы работы LegalTech-инструментов и прочее. Его компетенции теперь не сводятся исключительно к владению юридической техникой, они также включают в себя цифровую компетенцию: знания, навыки и умения в области цифровых инструментов. Как обоснованно отмечается в современной доктрине, «цифровизация юридической практики – это не просто внедрение новых инструментов, но и глубокое изменение роли юриста, который должен сочетать в себе правовую эрудицию с цифровой компетентностью, выступать одновременно знатоком права и продвинутым пользователем цифровой среды» [4. С. 67].

В условиях осуществления юридического содействия в цифровой среде возникает особый разрыв между правовой конструкцией правосубъектности и эмпирической реальностью. Согласно общей теории государства и права, субъектами права могут выступать исключительно физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. На сегодняшний день значительный объем содействия осуществляется алгоритмическими системами. Это ставит перед юридической наукой задачу квалификации таких посредников, а главное – распределение ответственности за негативные последствия. Представляется, что выход

может быть не в наделении посредников статусом субъекта права (что противоречит общей теории права), а в разработке модели «распределения ответственности», где конечным ответственным лицом всегда остается человек (субъект содействия). В случаях, когда содействие оказывается только алгоритмическими системами (без обращения к лицу с компетенциями), важно выявление стоящих за алгоритмом традиционных субъектов: государства, разработчика, владельца платформы. Государство, разрабатывая и запуская цифровые платформы для оказания услуг, тем самым осуществляет публичное юридическое содействие через алгоритмические системы. Разработчик, закладывая в модель целевые установки и алгоритмы принятия решений, также участвует в формировании результата содействия, хотя и опосредованно. Владелец платформы, предоставляя пользователям доступ к алгоритмическим системам и определяя правила их функционирования, тем самым принимает на себя риски, связанные с возможными негативными последствиями такого доступа. Таким образом, цифровая среда не порождает новых субъектов содействия, однако усложняет субъектную структуру. Основания и пределы юридической ответственности государства, разработчика и владельца платформы за вред, причиненный при оказании юридического содействия алгоритмическими системами, должны устанавливаться с учетом реального вклада каждого субъекта в формирование результата и степени его контроля над функционированием системы, поскольку указанные критерии позволяют определить наличие вины, причинно-следственной связи и меру ответственности в рамках классического состава правонарушения.

Выводы. Цифровая среда оказывает существенное, а не только инструментальное воздействие на юридическое содействие, в том числе трансформируя его системообразующие признаки. Это выражается в следующем: 1) происходит переход от исключительно человеческой деятельности к человеко-машинной, где алгоритмы выполняют часть операций, а субъект выступает ответственным оператором; 2) осуществляется виртуализация и опосредованность содействия цифровыми платформами; 3) усложняется оценка правомерности используемых средств и выбираемых целей; 4) сохраняется вспомогательная природа при усложнении структуры ее реализации за счет алгоритмических систем; 5) расширяется содержание специальной юридической компетенции за счет цифровой. Ключевым теоретическим результатом выступает обоснование положения о том, что цифровая среда не порождает новых субъектов права, но существенно усложняет субъектную структуру юридического содействия. В случаях, когда содействие оказывается исключительно алгоритмическими системами, за ними всегда стоят традиционные субъекты (государство, разработчик, владелец платформы), чья воля объективируется в предоставлении доступа к конкретному инструменту, что требует перераспределения ответственности между ними соразмерно степени контроля и влияния на функционирование системы.

Литература

1. Бегичев А.В. Нотариальный порядок обеспечения доказательств в сети Интернет // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 3(30). С. 12–17.

2. Белов В.А. Digital Private Law & Rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих // Право в сфере Интернета: сб. ст. М.: Статут, 2018. С. 256–310.
3. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2(135). С. 128–134.
4. Губарь Д.С. Юридическая грамотность в цифровую эпоху: что должен знать каждый юрист // Мониторинг правоприменения. 2025. № 2(55). С. 67–72.
5. Джикия М.Д., Шкаленко А.В., Джикия А.А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 114–119.
6. Ковалева Н.Н., Жирнова Н.А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 109–121.
7. Кожеев Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав. М.: Проспект, 2019. 220 с.
8. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–19.
9. Перепелица Е.В. Сетевая коммуникация государства и общества в цифровом мире постиндустриальной эпохи // Право.by. 2021. № S5(73). С. 149–154.
10. Петраков Н.А. Цифровое имущество как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 252 с.
11. Фатхи В.И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 113–121.
12. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://sovet-nko.ru/?p=34910> (дата обращения: 20.03.2026).
13. Abbasi Z. Responsible Legal Augmentation: Integrating Generative AI into Legal Practice. *Law, Technology and Humans*, 2025, vol. 7(3). DOI: 10.5204/lthj.4200.
14. Belanger A. Lawyer sets new standard for abuse of AI; judge tosses case. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2026> (Access Date: 2026, Feb. 7).
15. Gao C., Chen H., Xiao C. et al. H-Neurons: On the Existence, Impact, and Origin of Hallucination-Associated Neurons in LLMs Available at: <https://arxiv.org/abs/2512.01797> (Access Date: 2026, March 25).

ПРЫНОВА ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА – адъюнкт адъюнктуры, Нижегородская академия МВД России, Россия, Нижний Новгород (prinovavictoriya@mail.ru).

Victoria I. PRYNOVA

DIGITAL ENVIRONMENT AS A NEW REALITY FOR LEGAL ASSISTANCE

Key words: legal assistance, digital environment, legal transformation, digitalization, digital competence, artificial intelligence, Legal Tech, digital platforms.

Transformation of social relations under the influence of digital technologies is outpacing the development of the legal mechanisms designed to support them. The Institute of legal assistance, traditionally focused on physical presence, paper document management and personal communication, is facing challenges that cannot be solved within the framework of the classical paradigm. In the context of the digitalisation of the public and legal sector, it is the state that acts as the primary agent in initiating and facilitating the transformation of legal support, by creating digital platforms, services and legal mechanisms designed to improve the accessibility and quality of legal aid. The lack of a theoretical model that takes account of the capabilities of digital technologies leads to difficulties in terms of the allocation of responsibility,

as well as to a reduction in the effectiveness of the support provided. The relevance of the study is due to the need to understand the positive dynamics of state-legal phenomena in the modern world, where the state is not only adapting to the digital environment, but is also actively shaping it to implement public functions. A rapid increase in the number of legal relationships arising exclusively in the digital environment, coupled with the lag in their regulatory framework, make actual the need for a theoretical re-examination of the institution of legal assistance, both from a doctrinal and a law enforcement perspective.

The purpose of the study is to identify the nature and content of the transformation of the features of legal assistance in the digital environment.

Materials and methods. The research used general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, deduction, abstraction, dialectical method) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal). The materials used included legislative and regulatory acts of the Russian Federation, a report by the Council under the President of the Russian Federation on the Development of Civil Society and Human Rights, foreign case law, and scholarly works by Russian and foreign academics.

Results. Five characteristics of the digital environment that are significant for legal assistance were identified (ability to transcend geographical boundaries, virtualisation, automation and the emergence of intermediaries, transformation of the legal subject and delegation of tasks). It is proved that under the influence of these characteristics, the digital environment does not generate new subjects of assistance, but complicates their structure. Legal liability for the final outcome should be determined on the basis of each party's actual contribution and degree of control over the system's operation (the state, the developer, the platform owner), which requires redistribution of liability amongst them in proportion to their degree of control.

Conclusion. In the digital environment, legal assistance is being significantly transformed: the activity is becoming hybrid, and the lawyer's special competence is complemented by digital one. At this, digital environment does not generate new subjects of law; algorithms are always backed by the state, the developer and the owner of the platform.

References

1. Begichev A.V. *Notarial'nyi poryadok obespecheniya dokazatel'stv v seti Internet* [Notarial Procedure for Securing Evidence on the Internet]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2013, no. 3(30), pp. 12–17.
2. Belov V.A. *Digital Private Law & Rights: razmyshleniya o preobrazovaniyakh, uzhe proizvedennykh v chastnom prave razvitiem global'noi komp'yuternoi seti internet, i o reformakh, ego skoro i neminuemo po toi zhe prichine ozhidayushchikh* [Digital Private Law & Rights: Reflections on the Transformations Already Produced in Private Law by the Development of the Global Computer Network Internet, and on the Reforms Soon and Inevitably Awaiting It for the Same Reason]. In: *Pravo v sfere Interneta: sb. st.* [Law in the Internet Sphere: Collection of Articles]. Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 256–310.
3. Grin' E.S. *Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setyakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Inheritance of Social Media Accounts: Russian and Foreign Experience]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 2(135), pp. 128–134.
4. Gubar' D.S. *Yuridicheskaya gramotnost' v tsifrovuyu epokhu: chto dolzhen znat' kazhdyi yurist* [Legal Literacy in the Digital Age: What Every Lawyer Should Know]. *Monitoring pravoprimereniya*, 2025, no. 2(55), pp. 67–72.
5. Dzhikiya M.D., Shkalenko A.V., Dzhikiya A.A. *Rol' «LegalTech» v modernizatsii professional'noi yuridicheskoi deyatel'nosti* [The Role of LegalTech in the Modernization of Professional Legal Activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, no. 6, pp. 114–119.
6. Kovaleva N.N., Zhirnova N.A. *Problemy obespecheniya konfidentsial'nosti personal'nykh dannykh pri ispol'zovanii sistem iskusstvennogo intellekta* [Problems of Ensuring Confidentiality of Personal Data When Using Artificial Intelligence Systems]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2024, vol. 28, no. 7, pp. 109–121.
7. Kozhemyakin D.V. *Domennoe imya v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav* [Domain Name in the System of Civil Law Objects]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 220 p.
8. Mal'ko A.V., Soldatkina O.L. *Prioritety rossiiskoi pravovoi politiki i izmeneniya prava v usloviyakh tsifrovizatsii* [Priorities of Russian Legal Policy and Changes in Law in the Context of Digitalization]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, no. 9, pp. 5–19.

9. Perepelitsa E.V. *Setevaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva v tsifrovom mire post-industrial'noi epokhi* [Network Communication of the State and Society in the Digital World of the Post-Industrial Era]. *Pravo.by*, 2021, no. S5(73), pp. 149–154.

10. Petrakov N.A. *Tsifrovoe imushchestvo kak ob"ekt grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk* [Digital Property as an Object of Civil Rights. Cand. Diss.]. Moscow, 2024, 252 p.

11. Fatkhi V.I. *Pravovoi status virtual'nogo igrovogo imushchestva v kontekste grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [Legal Status of Virtual Gaming Property in the Context of Civil Law Regulation]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 113–121.

12. *Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v tsifrovom prostranstve 2.0: doklad Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [Digital Transformation and Protection of Citizens' Rights in the Digital Space 2.0: Report of the Presidential Council for Civil Society and Human Rights]. Available at: <https://sovet-nko.ru/?p=34910> (Accessed Date: 2026, March 20).

13. Abbasi Z. Responsible Legal Augmentation: Integrating Generative AI into Legal Practice. *Law, Technology and Humans*, 2025, vol. 7(3). DOI: 10.5204/lthj.4200.

14. Belanger A. Lawyer sets new standard for abuse of AI; judge tosses case. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2026> (Access Date: 2026, Feb. 7).

15. Gao C., Chen H., Xiao C. et al. H-Neurons: On the Existence, Impact, and Origin of Hallucination-Associated Neurons in LLMs Available at: <https://arxiv.org/abs/2512.01797> (Access Date: 2026, March 25).

VICTORIA I. PRYNOVA – Adjunct (Post-Graduate Student), Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Nizhny Novgorod (prinovavictoriya@mail.ru).

Формат цитирования: Прынова В.И. Цифровая среда как новая реальность для юридического содействия [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 109–121. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/8>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-109-121.